

УЗНАЙ СВОЕГО НЕПРИЯТЕЛЯ: СТРАТЕГИЯ РАЗВЕДКИ (Стратегия тринадцатая)

Важно осознавать, что объект ваших стратегических планов — не столько армия, с которой предстоит воевать, сколько человек, ее возглавляющий. Если вы сумеете разгадать, что у него на уме, то получите в свое распоряжение некий ключик, позволяющий управлять этим человеком. Итак, ваша следующая задача — овладеть искусством «читать» людей, замечать и истолковывать те знаки, которые они вам подадут, сами того не замечая, невольно открывая свои глубинные замыслы и намерения. Доброжелательный и приветливый вид позволит вам сойтись с ними поближе, чтобы добывать необходимые сведения. Будьте начеку, чтобы случайно не приоткрыть противникам свой собственный внутренний мир; попытайтесь перенять их образ мыслей. Если вам удастся выявить психологические уязвимые места своих соперников, это знание поможет вывести их из равновесия.

ОТРАЖЕННЫЙ ВРАГ

В июне 1838 года лорд Окленд, британский генерал-губернатор Индии, собрал чиновников высшего ранга, чтобы обсудить с ними проект вторжения в Афганистан. Окленда, как и других британских дипломатов, все больше беспокоило возрастающее влияние России в этом регионе. Русские уже заключили дружественный союз с Персией; теперь они пытались добиться того же в отношениях с Афганистаном. Если эти их усилия увенчаются успехом, британцы в Индии будут открыты для возможных нападений со стороны России. Вместо того чтобы пытаться переиграть русских и добиться заключения союза с афганским лидером эмиром Достом Мухаммедом, Окленд предложил решение, которое представлялось ему более надежным: захватить Афганистан и свергнуть эмира. На место правителя он предлагал шаха Шуджу уль-Мулька, ранее правившего страной, но свергнутого и изгнанного из Афганистана за двадцать пять лет до описываемых событий. При таком варианте шах считал бы себя обязанным англичанам.

В числе чиновников, слушавших в тот день доклад Окленда, был и Уильям Хей Макнатен, сорокапятилетний главный секретарь правительства Калькутты. Макнатену вторжение казалось блестящим планом: дружественный Афганистан защищал бы интересы Британии в регионе и даже способствовал распространению британского влияния. К тому же план казался абсолютно надежным. Британской армии не составит ни малейшего труда уничтожение афганцев, находящихся на примитивном родоплеменном уровне развития. Все будет обставлено как освободительная операция, избавляющая афганцев от русской тирании и несущая стране, кроме облагораживающего влияния Британии, реальную помощь. Как только Шуджа уль-Мульк окажется на престоле, армия покинет страну, так что британское влияние на исполненного благодарности шаха будет хотя и значительным, однако совсем не заметным, не видимым для афганцев. Когда начались высказывания по поводу проекта, Макнатен бурно выразил поддержку. Его энтузиазм был столь велик, что лорд Окленд не только укрепился в своем намерении, но и объявил о назначении Макнатена дипломатическим представителем в Кабуле, афганской столице, — послом Ее Величества, а это высший дипломатический ранг Британии в Афганистане.

Почти не встретив сопротивления на своем пути, в августе 1839 года британская армия вошла в Кабул. Дост Мухаммед бежал в горы, а шах вновь вступил в свой город. На взгляд местных жителей, это выглядело странно: Шуджа уль-Мульк, которого уже мало кто помнил, выглядел жалким и постаревшим, к тому же было заметно, что он демонстрирует покорность Макнатену, который въехал в город в нарядном мундире, в шляпе, украшенной страусовыми перьями. Зачем явились сюда эти люди? Чего от них ждать?

После того как шах был возвращен к власти, Макнатен вынужден был пересмотреть свою оценку сложившейся ситуации. Он получал доклады, в которых сообщалось, что Дост Мухаммед собирает армию в горах на севере страны. Тем временем на юге Афганистана у британских солдат не складывались отношения с местными племенами — они мародерствовали, тем восстанавливая против себя вождей. Теперь эти вожди сеяли смуту. Было очевидно к тому же, что шах непопулярен у своих бывших подданных — непопулярен настолько, что Макнатен не мог оставить его без защиты, опасаясь, что в противном случае британские интересы в стране пострадают. Неохотно, скрепя сердце Макнатен все же распорядился оставить большую часть британских войск в Афганистане до полной стабилизации обстановки.

Время шло, и посол Ее Величества наконец решился позволить офицерам и солдатам оккупационной армии, срок пребывания которой в стране затягивался на неопределенное время, послать за своими семьями, в надежде, что это скрасит им нелегкую жизнь. Вскоре приехали жены и дети военных, вместе со своими слугами-индийцами. Но жизнь не оправдала надежды Макнатена, который воображал, что приезд солдатских и офицерских семей окажет умиротворяющий эффект и как-то цивилизует отношения. Напротив, афганцев это насторожило. Уж не планируют ли британцы постоянную оккупацию, не собираются ли превратить Афганистан в свою колонию? Местные жители на каждом шагу наблюдали следы британского присутствия, англичане были повсюду, они громко разговаривали на улицах, пили вино, посещали театры и скачки — эти непривычные для восточной страны развлечения они тоже принесли с собой. А вот теперь здесь обживались и их домочадцы, которые чувствовали себя как дома.

В афганцах зарождалась настоящая ненависть ко всему европейскому, западному. Макнатена не раз предостерегали о возможности подобного развития событий, но для всех у него был один ответ: как только войска выведут из Афганистана, все будет забыто и прощено. Афганцы наивны, словно дети, они эмоциональны, но отходчивы. Почувствовав на себе блага западной цивилизации, они будут только благодарны. Было, однако, обстоятельство, которое беспокоило и самого посланника: правительство Британии выражало недовольство тем, что оккупация страны требует все новых — и немалых — затрат.

Макнатену необходимо было что-то придумать, чтобы снизить эти затраты, и он определил, с чего нужно начинать. Большинство горных дорог, по которым проходили основные афганские торговые пути, находились под контролем племени гильзаев. На протяжении многих лет, независимо от того, кто, сменяя друг друга, правил страной, гильзаи взимали дань с пользующихся перевалами в горах. Макнатен решил снизить плату вдвое. Гильзаи в ответ перекрыли перевалы — и вся страна с сочувствием отнеслась к мятежному племени. Макнатен, захваченный врасплох, старался подавить бунты, но всерьез их не принимал, а встревоженные офицеры, потребовавшие принять более жесткие меры, были уволены за упаднические настроения и панику. Все указывало на то, что британской армии придется задержаться в Афганистане на неопределенный срок. Ситуация между тем стремительно ухудшалась. В октябре 1841 года толпа ворвалась в дом одного из британских чиновников и убила его.

В Кабуле вожди местных племен вступили в заговор с целью свержения британской власти. Шах Шуджа уль-Мульк запаниковал. Он все это время умолял Макнатена позволить ему свести счеты с былыми врагами, поймать и уничтожить их — таким привычным для себя способом афганский правитель надеялся укрепить свое шаткое положение. Макнатен неизменно отвечал, что в цивилизованном государстве недопустимо прибегать к убийству для решения политических проблем. Шах отлично понимал, что афганцы признают силу и власть, а не «ценности цивилизации»; в их глазах то, что он никак не расправится с врагами, выглядело признаком слабости и непригодности к роли правителя. В результате число врагов и недоброжелателей росло. Макнатен не слушал.

Бунт распространялся, и Макнатену пришлось признать тот факт, что ему не хватает людей для подавления основных очагов. Но он все еще не видел поводов для паники. Афганцы и их вожди наивны; он без труда вернет власть, прибегнув к хитрости и интригам. С этой целью Макнатен начал гласное обсуждение договора, по которому британские войска и граждане будут выведены из Афганистана.

Взамен афганцы должны были снабжать отступающих британцев продовольствием. В то же время Макнатен попытался начать тайные переговоры с несколькими наиболее сильными вождями, дав понять, что готов сделать одного из них главным визирем страны и осыпать его деньгами — в благодарность за то, что тот поможет подавить беспорядки и позволит британцам остаться в стране.

Вождь восточных гильзаев Акбар-хан согласился обдумать это предложение, и вот 23 декабря 1841 года Макнатен отправился на тайную встречу с ним, где планировалось подписание соглашения. После церемонного обмена приветствиями Акбар-хан осведомился, настаивает ли Макнатен на осуществлении задуманного.

Взволнованный близостью победы, тем, что ситуацию удалось переломить, Макнатен радостно подтвердил свою готовность действовать по плану. Акбар, не сказав ему более ни слова, дал знак своим людям, и те схватили посла — Акбар не собирался предавать других вождей. На улице их окружила толпа возмущенных афганцев, прознавших о тайных переговорах, и с яростью, накопившейся за годы унижения, буквально разорвала англичанина на куски. Голову и конечности несчастного провезли по улицам Кабула, а его тело подвесили на крюк мясника на базаре.

В считанные дни все переменялось. Британские войска, остававшиеся на тот момент в Афганистане — около 4,5 тысячи военных и 12 тысяч следовавших в обозе, — вынуждены были немедленно начать отступление, несмотря на отвратительные погодные условия. Строго говоря, афганцы должны были снабжать отходящие войска продовольствием, но они не выполнили этого условия. Убежденные, что британцев невозможно выпроводить по-хорошему, они постоянно атаковали их на протяжении пути. Солдаты и штатские тысячами гибли в снегах во время этого беспорядочного отступления.

13 января 1842 года британские войска в форте Джелалабад увидели у ворот крепости лошадь. Полуживой седок, Уильям Брайдон, был единственным представителем британской армии, которому посчастливилось выжить после роковой попытки вторжения в Афганистан.

Толкование

Макнатен мог предотвратить катастрофу. Все данные, все знания, необходимые для этого, были в его распоряжении даже раньше, чем он начал свою афганскую экспедицию. Англичане и индийцы, жившие в Афганистане и знакомые с этой страной, конечно же рассказывали ему, что афганцы — один из самых гордых и независимых народов. Само по себе зрелище иностранных войск, торжественно марширующих по улицам Кабула, было для них незабываемым унижением. И уж конечно, их никак нельзя было назвать народом миролюбивым, стремящимся к благоденствию, примирению и согласию. На самом деле вражда и постоянные столкновения были для них нормой жизни.

Макнатен знал обо всем, но закрывал на это глаза, упрямо не желая принимать к сведению очевидные факты. Он подходил к афганцам со своими английскими мерками, считая европейскую мораль универсальной. Слепленный, полный самолюбования, он оценивал все происходящее с точностью до наоборот. В результате каждый из его хитроумных стратегических ходов — оставить британскую армию в Кабуле, уменьшить вдвое дань гильзаем, не придавать слишком большого значения беспорядкам и волнениям — все до одного оказались ошибкой, полной противоположностью тому, что на самом деле нужно было делать. И в тот роковой день, когда Макнатен в буквальном смысле лишился головы, он совершил свой последний просчет, решив, что деньгами и посулами личной

выгоды можно купить преданность тех самых людей, которых он — пусть невольно — постоянно подвергал унижениям.

Подобная слепота не так уж редка и в наши дни; вообще-то мы сталкиваемся с ней на каждом шагу. Нам от природы свойственно воспринимать других людей как отражение самих себя, приписывать им собственные взгляды и желания. Мы не можем уразуметь, в чем окружающие отличаются от нас, поражаемся, если они реагируют на что-то не так, ведут себя не так, как мы ожидаем. Сами того не замечая, мы обижаем и отвращаем от себя людей, а потом их же и обвиняем — их, а не собственную неспособность понять другого. (Этот недостаток, кстати, присущ людям во всем мире, ведь англичане — отнюдь не единственные, кто считает себя центром мироздания.)

Важно понять: если вы позволите своему эгоцентризму стать экраном, отгораживающим вас от окружающих, то будете постоянно ошибаться в оценках, неверно истолковывая чужие поступки и намерения, а это приведет к тому, что ваши стратегии не будут попадать в цель. Вам необходимо помнить об этом и стремиться к тому, чтобы воспринимать окружающих спокойно и бесстрастно.

Каждый человек, каждая личность — это иная цивилизация, чужая культура, попытайтесь воспринимать его именно так. Вам предстоит разгадать чужака, проникнуть в его образ мыслей, но не ради того, чтобы поупражняться в чувствительности, а из стратегической необходимости. Только досконально зная неприятеля, вы можете надеяться справиться с ним.

КРЕПКИЕ ОБЪЯТИЯ

В 1805 году Наполеон Бонапарт разгромил австрийцев под Ульмом, а затем и при Аустерлице. Следуя заключенному договору, он разделил Австрийскую империю, получив территории в Италии и Германии. Для Наполеона все эти завоевания были частью большой шахматной партии. Его конечной целью было сделать Австрию своим союзником — союзником слабым, смиренным, но таким, который придаст ему веса при королевских дворах Европы, поскольку Австрия традиционно была в те времена центральной силой в европейской политике. Осуществляя эту стратегию, Наполеон потребовал назначения нового австрийского посланника во Францию, князя Клеменса фон Меттерниха, который в тот момент исполнял обязанности австрийского посланника при прусском дворе в Берлине.

Меттерних, тридцатидвухлетний австрийский дипломат, происходил из знатнейшего и древнего европейского рода. Он блестяще владел французским языком, неуклонно придерживался консервативных взглядов в политике, а своими безупречными манерами и элегантностью заслужил репутацию любимца дам. Присутствие этого лощеного аристократа должно было добавить блеска императорскому двору, который хотелось создать Наполеону. К тому же, и это было особенно важно, завоевав симпатию такого влиятельного человека — Наполеон умел быть невероятно обаятельным, — можно было рассчитывать на его помощь в осуществлении замысла относительно Австрии. Наполеон решил воспользоваться слабостью Меттерниха к прекрасному полу как ключом, чтобы найти к нему подход.

Они впервые встретились в августе 1806 года, когда Меттерних вручал императору свои верительные грамоты. Наполеон был сдержан. Он был одет соответственно

торжественному случаю, но оставался в головном уборе, что было грубым нарушением этикета. После речи Меттерниха — краткой и церемонной — Наполеон зашагал по залу, заговорил о политике. Его тон и манеры красноречиво свидетельствовали о том, что он привык отдавать приказания. (Наполеон любил встать, когда он разговаривал с сидящими людьми.)

Представление это было разыграно не случайно; все было продумано. Наполеон хотел показать изысканному Меттерниху: перед ним не какая-нибудь корсиканская деревенщина, а император, к нему надо относиться серьезно. К концу аудиенции он был уверен, что все удалось на славу, и полностью удовлетворен результатом.

Прошло несколько месяцев, встречи Наполеона и Меттерниха продолжались. Император старался очаровать князя, но чары сработали немного неожиданно: Меттерних был внимательным слушателем, вставлял умные замечания, высоко отзывался о стратегической интуиции Наполеона. В такие моменты император весь светился: перед ним был человек, способный по достоинству оценить его гений. Он начал испытывать потребность в обществе Меттерниха, а их беседы о европейской политике становились все более и более откровенными. Между ними завязалась дружба.

Надеясь воспользоваться слабостью, которую Меттерних питал к слабому полу, Наполеон устроил его знакомство со своей сестрой, Каролиной Мюрат, которая постаралась вступить с дипломатом в любовную связь. От нее он узнал кое-какие околосударственные сплетни, к тому же она поведала брату, что Меттерних испытывает к нему подлинное уважение. Меттерниху она, в свою очередь, сообщила, что Наполеон несчастлив с женой, императрицей Жозефиной, которая не могла иметь детей; он подумывал о разводе. Но императора, казалось, совсем не беспокоило то, что Меттерниху стали известны подробности его интимной жизни.

В 1809 году Австрия, стремясь взять реванш после позорного поражения под Аустерлицем, объявила Франции войну. Наполеон был только рад этому, ведь таким образом он получал возможность окончательно добить австрийцев. Война оказалась тяжелой, но преимущество было на стороне французов, и Наполеон навязал унижительное мирное соглашение, аннексировав существенную часть Австрийской империи. Австрийская армия была расформирована, состав правительства изменен, а друг Наполеона Меттерних получил портфель министра иностранных дел — именно на этом посту и хотел видеть его император.

Спустя несколько месяцев произошло событие, которое хоть и оказалось для Наполеона несколько неожиданным, однако порадовало его: австрийский император Франц II Габсбург предложил ему в жены свою старшую дочь, эрцгерцогиню Марию Луизу. Наполеон не обольщался: ему было прекрасно известно, как ненавидят его при австрийском дворе; это предложение, должно быть, стало возможным благодаря усилиям Меттерниха. Брачный союз с австрийской принцессой был как нельзя более полезен, он способствовал укреплению его позиций, и Наполеон с радостью принял предложение — расторгнув брак с Жозефиной, он в 1810 году женился на Марии Луизе.

Меттерних сопровождал эрцгерцогиню в Париж, где состоялось бракосочетание. Теперь их отношения с императором Франции стали еще более тесными и дружескими. Благодаря женитьбе Наполеон вошел в одну из старейших семей Европы, а для корсиканца семья означала многое, если не все: теперь он получал династическую легитимность, к которой так давно стремился. Беседуя с князем, он стал теперь еще откровеннее, чем

прежде. Радовала его и супруга, молодая императрица показала себя незаурядной особой, обладавшей пытливым умом. Наполеон охотно посвящал ее в свои политические планы.

В 1812 году Наполеон напал на Россию. Теперь Меттерних обратился к нему с предложением: Австрия была готова предоставить в его распоряжение 30 тысяч солдат. В качестве ответного жеста Наполеон позволил Австрии вновь сформировать собственную армию. Наполеону этот шаг казался безобидным и не сулящим какой-либо опасности — теперь он связан с Австрией браком, в конце концов, их армия даже может оказаться полезной.

Русская кампания обернулась катастрофой, Наполеону пришлось отступить, его армия была уничтожена. Меттерних предложил свои услуги — помощь в переговорах между Францией и другими политическими силами Европы. Австрия, занимавшая центральное место, традиционно играла в таких переговорах важную роль; так или иначе, у Наполеона не оставалось выбора: ему требовалось время для передышки. Даже если роль посредника в переговорах позволяла Австрии вернуть утраченную независимость, вряд ли стоило опасаться собственного тестя.

К весне 1813 года переговоры были провалены, а в Европе готова была разразиться новая война, в которой против ослабленной последним поражением Франции выступал мощный союз России, Пруссии, Англии и Швеции. Австрийская армия к этому времени набрала силу. Наполеон понимал, что необходимо как-то прибрать ее к рукам, но шпионы сообщили ему, что Меттерних ведет тайные переговоры с противником. Наверное, речь шла о какой-то уловке, военной хитрости — не может же австрийский император строить козни против супруга родной дочери? Однако спустя несколько недель тайное стало явным: несмотря на то что Франция вела переговоры о мире, Австрия отказалась от нейтральной позиции посредника и примкнула к коалиции.

Наполеон не верил своим ушам. Он бросился в Дрезден, чтобы поговорить с Меттернихом. Их встреча состоялась 26 июня. При первом же взгляде на князя Наполеон испытал потрясение: куда девался беззаботный, дружелюбный Меттерних, которого он знал? Холодным, официальным тоном князь информировал его о том, что Франции предлагается принять условия и подписать договор, согласно которому будут восстановлены ее прежние, исконные границы.

Австрия должна защищать свои интересы и быть гарантом стабильности в Европе. Внезапно император понял: Меттерних все время играл, и даже брачный союз — не что иное, как заговор, призванный закрыть ему глаза на истинную цель вооружения и независимости Австрии. «Выходит, я совершил непростительную глупость, женившись на эрцгерцогине австрийской?» — выпалил Наполеон. «Если Вашему Величеству угодно знать мое мнение, — невозмутимо ответил Меттерних, — я откровенно скажу, что Наполеон, завоеватель, допустил ошибку».

Наполеон с негодованием отверг предложенные Меттернихом условия мира. В ответ Австрия нарушила нейтралитет и примкнула к коалиции, фактически став ее военным лидером. В апреле 1814 года они окончательно разгромили армию Наполеона, а его самого отправили в ссылку на средиземноморский остров Эльба.

Толкование

Наполеон гордился своим умением разбираться в людях и воздействовать на них. Однако в данном случае он столкнулся с более сильным противником, с человеком, который превзошел его в этой игре. Рассмотрим, как действовал Меттерних: прикрываясь

щитом внешней приветливости и элегантности, он спокойно и неторопливо изучал своих врагов, своей беззаботной искренностью вызывая их на ответную откровенность.

Встретившись с Наполеоном в первый раз, он увидел перед собой человека, стремящегося произвести впечатление: от его внимания не ускользнуло, что невысокий Наполеон приподнимается на носки, желая казаться выше ростом, как он пытается скрыть прорывающийся корсиканский акцент. Последующие аудиенции подтвердили впечатление Меттерниха: Наполеон мечтал о том, чтобы быть причисленным к европейской аристократической элите. Император страдал от комплексов и неуверенности.

Именно эти выводы Меттерних и положил в основу своей блестящей контрстратегии: предложения Наполеону породниться с представительницей австрийской династии. Для корсиканца это предложение было не просто лестным, оно открывало необозримые горизонты. Подобное великолепие должно было ослепить Наполеона, не позволить ему увидеть очевидное: для Меттерниха и Франца II Габсбурга, аристократов по рождению, семейные связи не означали ничего в сравнении с задачей сохранения самой династии как таковой. Меттерних гениально наметил подходящую мишень для своей стратегии: не армия Наполеона, справиться с которой Австрии было в тот момент не под силу — не будем забывать, что Наполеон был великолепным полководцем, — а его, Наполеона, разум. Князь понимал, что даже самые сильные и талантливые люди остаются по сути своей людьми, каждому присущи те или иные человеческие слабости. Проникая в секреты частной жизни Наполеона, держась с ним почтительно и неизменно демонстрируя уважение, Меттерних тем временем изучал его характер, выискивал слабости, чтобы нанести такой удар, какого не нанесла бы ни одна армия. Сближаясь с ним все больше и больше — через сестру императора Каролину, через эрцгерцогиню Марию Луизу, благодаря сердечным встречам, — австриец получил возможность задушить императора в своих, казалось бы, дружеских объятиях.

Следует понять: ваш истинный враг — это мысли, ум вашего соперника. Его армию, ресурсы, его разведку — все это вы сможете преодолеть, если сумеете нащупать его слабое место, эмоциональную брешь. Используя это знание, вы можете вводить в заблуждение, манипулировать. Можно одолеть даже самую могучую армию в мире, если лишить душевного равновесия главнокомандующего. А лучший способ выявить слабости сильного соперника — не шпионы и лазутчики, а те самые дружеские объятия. Скрываясь за дружелюбным, а может быть, даже раболепным фасадом, вы можете наблюдать за неприятелем, не препятствуя тому, чтобы он терял бдительность, раскрывался перед вами, выдавал себя. Войдите в доверие, копируйте его образ мыслей. Если вам удастся нащупать уязвимое место противника — необузданный нрав либо неумение держать себя в руках, слабость к противоположному полу, неуверенность в себе, — вы получите материал, который поможет уничтожить врага.

КЛЮЧИ К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Величайшую власть, которой мы можем добиться в этой жизни, не даст ни богатство, ни сила, ни даже виртуозные стратегические способности. Ее можно достичь, научившись разбираться в людях, читать их, как книги. Обладая таким знанием, вы отличите истинного друга от недоброжелателя, разоблачите тайных недругов. Вы сможете предугадать замыслы недругов, просчитать возможные козни и заранее принять меры. Эта прозрачность позволит

вам увидеть и понять, какие чувства труднее всего контролировать неприятелю. Вооружившись тайным знанием, вы без труда расставите силки и уничтожите врага.

Испокон веков, еще на заре военной истории, подобное знание было важной стратегической целью. Именно из-за этого появились шпионы и институт разведки. Но шпионы ненадежны, они фильтруют информацию, пропуская ее через свою предвзятость и предрассудки, а поскольку по сути своей профессии они должны помещаться точно между двумя сторонами, стараясь действовать независимо, то контролировать их весьма непросто, кроме того, всегда существует риск, что ваш шпион может перевернуться к неприятелю. Далее, существуют тонкие нюансы, выдающие людей, — интонация, взгляд, блеснувшие глаза, — все эти детали неизбежно стираются, не попадают в донесения разведчиков. И вообще, разведанные почти ничего не стоят для вас и едва ли окажутся по-настоящему полезными, если вы не умеете интерпретировать поведение людей и не разбираетесь в психологии. Без этих навыков вы будете выдавать желаемое за действительное, видеть то, что захотите увидеть, находя подтверждение собственным предубеждениям.

Военные и политические деятели, умело использовавшие разведку — Ганнибал, Юлий Цезарь, князь Меттерних, Уинстон Черчилль, Линдон Джонсон, в бытность свою сенатором США, — были прежде всего тонкими знатоками человеческой природы. Они постоянно оттачивали свои навыки, общаясь с окружающими, наблюдая за их поведением, и в результате приобрели умение безошибочно разбираться в людях. Лишь обладая этой базой, они могли рассчитывать на то, что разведка не исказит, а расширит их видение ситуации.

Первым делом откажитесь от мысли, что каждый человек — это неразрешимая загадка и проникнуть в человеческую душу весьма и весьма непросто. Если окружающие кажутся вам таинственными и загадочными, то лишь оттого, что почти всех нас с молодых ногтей приучают скрывать свои истинные чувства и склонности. Понятно, будь мы совершенно открыты и демонстрируй всем напропалую, что мы чувствуем и как собираемся поступить, это сделало бы нас беззащитными перед злом. С другой стороны, высказывая в лоб свое мнение по любому поводу, мы рисковали бы оскорбить и задеть очень многих людей. Поэтому, подрастая, мы приходим к тому, что умение скрывать мысли и чувства становится нашей второй натурой.

Эта вынужденная скрытность превращает разведку в трудную, но весьма интересную и вполне выполнимую миссию. Дело в том, что даже люди, которые изо всех сил стараются утаить, что у них на уме, все же невольно выдают себя. Очень нелегко все время держать в тайне от окружающих то, что мы думаем и чувствуем; постоянное напряжение изматывает, возможность высказаться, быть искренним воспринимается как облегчение. Мы все стремимся к людям, перед которыми можно открыть себя, не утаивая ничего, даже темную сторону своей природы. И если мы умышленно делаем усилие, чтобы не выдать себя, то все равно посылаем сигналы, которые могут приоткрыть по крайней мере часть того, что происходит у нас внутри, — случайные оговорки, не к месту дрогнувший голос, неконтролируемые движения, взгляды, которые бывают красноречивее слов, спонтанные поступки, не поддающиеся объяснению, фразы, вырывающиеся, когда мы выпьем.

Нужно понимать: люди непрерывно шлют сигналы, выдающие их истинные намерения и потаенные желания. Если мы не читаем их, то единственно лишь по своей нечуткости и невниманию. Причина проста: каждый из нас замкнут в собственном мирке, каждый внимательно прислушивается к своему внутреннему монологу, не обращая внимания на окружающих и теша собственное эго. Подобно Уильяму Макнатену, мы

видим окружающих нас людей только как отражение самих себя. И вы станете чувствительнее к посылаемым ими сигналам только в том случае, если сможете отказаться от своего эгоцентризма, отойдете от предвзятых представлений о людях и постараетесь увидеть их такими, какие они есть.

Умение хорошо разбираться в людях чрезвычайно высоко ценилось у японских самураев, особенно большое значение придавали этому умению в школе владения мечом синкагё-рю. Одним из первых мастеров этой школы был самурай XVII века Ягиу Муненори.

Однажды весенним утром Муненори, тогда уже немолодой человек, спокойно прогуливался по саду, наслаждаясь цветением сакуры. Его сопровождал юный слуга — мы бы назвали его охранником. Он следовал чуть позади самурая с поднятым мечом, как того требовал обычай. Внезапно Муненори резко остановился. Он почувствовал опасность. Осмотревшись, он не увидел ничего подозрительного, но и тогда ощущение тревоги не покинуло его. Встревоженный, он повернул к дому, а там сел, прислонившись спиной к столбу, дабы предохранить себя от неожиданного нападения. Он просидел в этой позе довольно долго, прежде чем слуга отважился спросить, что происходит. Самурай признался, что во время любования цветущими деревцами он ощутил приближение неотвратимой угрозы, врага, готового напасть. Теперь его беспокоило то обстоятельство, что опасность явно оказалась мнимой, — кажется, у него начались видения.

Для самурая жизненно важно было обостренно чувствовать угрозу нападения, всегда быть начеку, чтобы мгновенно отразить атаку. Если Муненори утратил это чувство, его как воина можно было списывать со счетов. Тут слуга пал ниц перед самураем и признался: когда Муненори прохаживался по саду, юноше пришла в голову неожиданная мысль — если бы он хотел сразить своего хозяина, то лучшего момента не найти, ведь, полностью отдавшись созерцанию чудесных цветов сакуры, даже этот великий мастер боевых искусств не успел бы собраться и отразить атаку.

Муненори отнюдь не утратил своих навыков; напротив, удивительная, обостренная чуткость к эмоциям и намерениям других людей позволила ему уловить мимолетное изменение настроения следовавшего за ним ученика. Так лошадь схватывает на лету желания наездника или верный пес — мысли хозяина. Животные именно так реагируют на эмоциональный настрой человека, поскольку всецело сосредоточены на этом. По схожему принципу действует и школа самураев синкагё-рю: она учит воинов, полностью освобождая свой ум, мгновенно сосредотачиваться на одном, чтобы ни одна посторонняя мысль не увлекла в сторону. В результате по легкому движению руки соперника, по малейшему напряжению его локтя можно догадаться о намерении атаковать. Такой воин видит противника насквозь, по мимолетному взгляду он способен понять, когда тот готовится нанести удар, а в нервном подрагивании колена увидеть знак замешательства или страха. Мастер, подобный Муненори, буквально читал мысли, догадываясь о намерении человека, которого даже не видел перед собой.

Сила, которой учили в самурайской школе (ее же использовал князь Меттерних), — это не что иное, как умение освободиться от собственного эго и на время погрузиться в мысли другого человека. Вы удивитесь, как много можно узнать о людях, если хоть на время приостановить бесконечный внутренний монолог, очистить мысли и приковать внимание к происходящему в данный момент. Детали и подробности, которые вам откроются, это та «нефильтрованная», не подвергшаяся цензуре информация, из которой складывается довольно полная и точная картина человеческих слабостей и устремлений.

Самое пристальное внимание обращайтесь на глаза людей: их сигналы скрыть от окружающих особенно трудно, они особенно красноречиво демонстрируют настроение человека.

Разумеется, принципиально важно, чтобы окружающие не замечали, как вы их изучаете. Приветливый вид, как у князя Меттерниха, когда он общался с Наполеоном, поможет скрыть ваши намерения. Не задавайте слишком много вопросов; хитрость заключается в том, чтобы люди расслабились, утратили бдительность и открылись перед вами сами, без принуждения. Следите за ними, но так тихо и незаметно, чтобы никто не догадался о ваших намерениях.

Информация бесполезна, если вы не знаете, как ей воспользоваться, как с ее помощью отделить настоящее от показного. Вам нужно научиться различать многочисленные психологические типы. Не следует забывать, например, о феномене замаскированной противоположности: когда кто-то ярко демонстрирует определенную особенность личности, эта особенность может оказаться лишь маскировкой, ширмой. За вкрадчивостью, лестью, готовностью услужить могут скрываться неприязнь и недоброжелательство; грубиян и задира оказывается человеком, глубоко неуверенным в себе; моралист, изображая безупречность и чистоту, пытается таким образом прикрыть склонность к гнусным порокам. И неважно, пытаются ли эти люди пустить пыль в глаза окружающим или предаются самообману — а такое тоже случается, когда люди хотят убедить самих себя, что они не такие, какими боятся быть, — главное, что противоположная черта нередко отчетливо виднеется, проступает сквозь поверхность.

В общем и целом легче наблюдать людей в действии, особенно в моменты кризиса. В таких ситуациях человек либо невольно приоткрывается, выдавая свои слабости, либо так неистово пытается их скрыть, что у вас появляется возможность увидеть, что кроется под маской. Можно вмешаться в ход событий — какие-то вещи, на первый взгляд безобидные, могут вызвать нужный вам эффект. Вы можете сказать что-то резкое или неожиданное, провоцирующее, и внимательно следить за тем, какой будет реакция. Либо ваш соперник невольно допустит ошибку, обмолвится, бросит выразительный взгляд, либо поспешит нацепить маску, которую вам, в созданной вами же ситуации лабораторного эксперимента, несложно будет заметить.

Важнейшая составляющая в искусстве понимать людей — это умение определить силу их сопротивления. Не зная этого, вы рискуете пере- или, напротив, недооценить их, в зависимости от вашего собственного уровня уверенности и ваших страхов. Вам нужно доподлинно знать, насколько люди готовы к борьбе, высок ли их боевой дух. Если человек скрывает трусость и нерешительность, достаточно одного толчка, чтобы он отступил; но тот, кому больше нечего терять, будет биться до последнего. Монголы имели обыкновение начинать свои военные кампании с боя, единственной целью которого была проверка сил и решимости неприятеля. Любые действия против врага они начинали только после того, как определяли состояние его боевого духа. Подобная битва-тест имела еще и то преимущество, что позволяла выяснить планы и замыслы противника.

Качество информации, которую вам удастся собрать о своих неприятелях, неизмеримо более важно, чем ее количество. Мал золотник, да дорог — единственный, но действительно ценный самородок может послужить основой для их уничтожения и залогом вашей победы. Великий карфагенский полководец Ганнибал, обнаружив, что римский военачальник, с которым ему предстоит сражаться, самоуверен и несдержан,

схитрил, показав свою слабость, и так спровоцировал римлянина на необдуманную, поспешную атаку.

Уинстон Черчилль понял, что Гитлер не вполне нормален психически и при малейшем намеке на неудачу впадает в истерическое состояние. Английскому премьер-министру этого было достаточно, чтобы понять, как вывести из равновесия фюрера и в дальнейшем пользоваться этим приемом: ложное нападение на какую-то пограничную зону, например Балканы, заставляло Гитлера видеть угрозы со всех сторон, расширять оборону, делая грубейшие тактические ошибки.

Конечно, возможности разведки небезграничны, далеко не вся попадающая к вам информация бывает достоверной, к тому же не все можно узнать самому, из первых рук. Однако разветвленная шпионская сеть поможет вам расширить свои представления, особенно если вы научитесь правильно обрабатывать поступающие к вам сведения.

Лучше всего, если это будет неформальная структура — группа единомышленников, которые будут рады стать вашими глазами и ушами. Хорошо также завести добрые отношения с людьми, у которых есть возможность раздобыть информацию о неприятеле: один друг, оказавшийся в нужном месте, сможет добыть для вас больше ценных сведений, чем целая толпа наемных лазутчиков.

В свое время разведывательная сеть из наемных шпионов у Наполеона была ничтожно мала, зато он получал отменную и полезнейшую информацию через друзей, которыми сумел обзавестись в дипломатических кругах по всей Европе.

Ищите внутренних шпионов, людей из вражеского лагеря, недовольных и имеющих собственные проблемы и интересы. Такие люди могут стать вашими помощниками, действовать в ваших интересах, снабдить вас более ценной информацией, чем любой агент, внедренный вами извне. Берите на службу людей, которых ваш враг уволил, — они расскажут вам, что у него на уме. Президент Билл Клинтон получал самые достоверные и самые ценные сведения о ситуации в лагере республиканцев от своего советника Дика Морриса, который работал у тех долгие годы, знал обо всех их проблемах и слабостях, не только организационных, но и личных. Но будьте осторожны: ни в коем случае не доверяйтесь одному шпиону, не полагайтесь на один источник информации, каким бы надежным он ни казался. Не перепроверив эти сведения, вы рискуете — вас могут переиграть, подтасовать данные, подsunуть тенденциозную, необъективную или полностью ложную информацию.

Есть люди, которые оставляют вокруг себя огромное количество документальных свидетельств — статей, интервью и прочего в том же роде. Это позволяет узнать о них не меньше, чем через агентов и лазутчиков.

Задолго до начала Второй мировой войны книга Адольфа Гитлера «Mein Kampf» стала недвусмысленным свидетельством его взглядов и намерений, не говоря уж о том, что по этому труду можно было многое понять о психологическом статусе автора. Генералы Эрвин Роммель и Хайнц Гудериан тоже писали о блицкриге — молниеносной войне нового типа, которую они готовили. Люди раскрываются, сообщают о себе очень многое в тех текстах, которые пишут, отчасти намеренно, а отчасти из-за того, что ничто не мешает читать между строк тому, кто изрядно поднатерел в этом искусстве.

Наконец, последнее: ваш неприятель — это не неодушевленный предмет, от которого можно ожидать предсказуемых действий и реакций, когда планируете свои стратегии. Наши враги постоянно меняются, приспосабливаясь к тому, что мы делаем. Обновляясь и

изобретая что-то новое, они стараются извлекать уроки из своих ошибок и из наших побед. Поэтому в познании неприятеля нельзя останавливаться. Будьте начеку, совершенствуйте разведку и не надейтесь, что противник может дважды повести себя одинаково.

Поражение — хороший учитель, и ваш соперник, проигравший сегодня, может завтра оказаться умнее. Стройте свои стратегии с учетом этого; ваша осведомленность о неприятеле должна быть не только полной, но и своевременной.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому, что все знали наперед. Знание наперед нельзя получить от богов и демонов, нельзя получить и путем умозаключений по сходству, нельзя получить и путем всяких вычислений. Знание положения противника можно получить только от людей.

Сунь-Цзы (IV в. до н. э.)

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Трудясь изо всех сил, чтобы разгадать неприятеля, постарайтесь при этом, чтобы понять вас было как можно труднее. Поскольку люди — и это действительно так — имеют дело только с наружностью, внешней формой, их достаточно просто ввести в заблуждение. Будьте непредсказуемы, всегда заставляя врасплох неожиданностью реакций. Подбросьте им пару слитков золота — незначительных свидетельств вашей внутренней жизни, которые на самом деле ничего общего не имеют с тем, каковы вы на самом деле. Старайтесь сохранять непроницаемость и непостижимость, и никто не сможет ни защититься от вас, ни применить против вас разведанные, которые они тщатся собирать.

Начало:

- 1) https://www.datocms-assets.com/63284/1732378406-first-strategy_arm.pdf
- 2) https://www.datocms-assets.com/63284/1735414231-last-wars_arm.pdf
- 3) https://www.datocms-assets.com/63284/1740855330-keep-ur-head_arm.pdf
- 4) https://www.datocms-assets.com/63284/1744480072-drive-into-desperate_rus.pdf
- 5) https://www.datocms-assets.com/63284/1747510580-avoid-traps_rus.pdf
- 6) https://www.datocms-assets.com/63284/1751140077-divide-forces_rus.pdf
- 7) https://www.datocms-assets.com/63284/1754762031-crusade-war_rus.pdf
- 8) https://www.datocms-assets.com/63284/1759605001-force-estimate_rus.pdf
- 9) https://www.datocms-assets.com/63284/1766256811-stance_rus.pdf
- 10) https://www.datocms-assets.com/63284/1771097564-chin-strat-territory_rus.pdf
- 11) https://www.datocms-assets.com/63284/1775331518-battle-war_rus.pdf

Источник: <https://www.litres.ru/book/robert-grin/33-strategii-voyny-624835/chi>